Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://aksakovivan.ru/ Приятного чтения!
Аксаков Иван Сергеевич Где и что болит у нас?
Возвращаемся опять к анализу наших общественных недугов. Мы выразились недавно, что «либерализм» (не либерализм вообще, а собственно тот, доктринерский, которым щеголяет некоторая часть русской печати и который мы признаем мнимым) не имеет глубоких корней в сознании даже самих наших так называемых либералов. То же самое можно сказать и про всех наших радикалов или представителей разных крайних учений. Эти доктрины у русских радикалов прививаются скорее к ощущению, чем к мысли, скорее дело вкуса, чем искреннего, глубокого убеждения. «Убеждением» обзаводятся после – вследствие страстной потребности человеческой природы (как бы кто ни мнил себя быть материалистом или позитивистом!) искать смысл личного бытия и оправдание личных действий не в себе, а вне себя и выше себя – в какой-либо бесплотной идее, хотя бы иногда ложной и вздорной… Несомненно одно: точкою отправления служит для всех глубокое историческое чувство неудовлетворенности, или взращенное историей отрицательное отношение к русской действительности. Такова, по-видимому, русская общественная (не народная) психия. Но выход из этой психии отрицательного характера еще не указан или не выработан процессом общественного сознания: самое сознание еще не свободно от многих затемняющих его, привнесенных извне умозрений или «умоначертаний», по выражению Екатерины II, – да и от многого множества других причин: вот почему между этой отрицательной психией и положительными убеждениями большею частью нет никакой логической связи. Поясним нашу мысль сравнением. В развитии смысла у младенцев бывает такой период, когда они, ощущая боль, еще не в состоянии распознать и определить местонахождение боли. Ребенок жалуется, что болит, а на вопрос: где? указывает руку, когда болит нога, или же наоборот; очень бы ошибся врач, если б последовал указаниям ребенка и стал бы, например, лечить руку, когда боль сидит в ноге! То же самое случается и у взрослых при так называемых в медицине маскированных лихорадках, когда, вместо пароксизмов, лихорадка выражается какою-либо местною болью или же когда самое седалище болезни почти не дает себя чувствовать, а наиболее ощутительно отражение боли в каком-либо постороннем органе. Этот-то посторонний орган иногда самим пациентом и плохим медиком ошибочно признается за самостоятельно больной и подвергается совершенно напрасно вспрыскиваниям и втираниям… В том именно и задача, чтобы наперед метко угадать причину недуга и источник боли, и не лечить от лихорадки, как от ревматизма, и от простых спазмов – как от завала в боку.

Но не эта ли именно беда происходит и с нашим общественным недугом? Не в том ли же положении, как младенцы, еще не умеющие определить местонахождение боли, или как взрослые в случаях нами вышеупомянутых – большая часть нашей молодежи? Болит-то болит – это верно! Но что именно, как и где болит – это они распознать не умеют или объясняют совершенно ошибочно, так что могут как раз ввести в опасную ошибку и самого врача. Вот факт, взятый из жизни, в котором всего ярче отражается это неправильное отношение больных к своей боли. В самом начале шестидесятых годов, когда мы издавали «День» и время было смутное, внезапно пущена была в умственный оборот между юношами идея федерализма. В ту пору вольнодумствующая молодежь еще не чуждалась общения со старшими, и к нам приходили не раз юные представители разных федералистских групп – может быть в надежде склонить редактора на свою сторону, может быть и с целью проверить себя самих. Так однажды явилось к нам несколько учащихся юношей, кажется студентов, которые, после разных разговоров на тему о

«невыносимой современности» и вообще о «гражданской скорби», прочли свой мемуар или записку о необходимости… чего бы вы думали, читатель? – отделить от Российской империи Смоленскую губернию и, кое-что к ней прибавив, образовать автономное Смоленское княжество! Документ этот, вероятно, и до сих пор хранится в бумагах газеты «День»… Так вот чем они думали утолить свою «гражданскую скорбь»!.. Положим, что современность во многом и многом сочувствия не заслуживала, но спрашивается: какая же логическая связь между язвами современности и образованием Смоленского княжества? Какая органическая мучительная потребность побудила этих юношей искать выделения из России Смоленской губернии? Не помним, были ли они даже смольняне родом, но если бы и так, нельзя же ведь предположить, чтоб они действительно были одушевлены каким-то особым смоленским патриотизмом, чтобы в них билось дорогобужское или вяземское сердце, чтоб это требование вылилось непосредственно не из русской, а из сычевской или сжатской души?..

Что сталось с этими молодыми наивными людьми, нам неизвестно; может быть их образумил невольный взрыв веселого смеха, встретивший их заявление, а может быть – кто знает? – им пришлось впоследствии и пострадать за свои «сепаратистические убеждения», или же, в дальнейшем развитии своего оппозиционного направления, достигнуть «степеней известных», высших, то есть угодить в террористы, динамитисты, а затем и в Сибирь!.. Очевидно однако, что обвинять их серьезно в сепаратистических замыслах было бы смешно; что зло и опасность заключались вовсе не в забавной мечте о Смоленском княжестве и не в доктрине федерализма, а в том, что порождает способность к такой неосмысленной мечтательности… Нам возразят может быть, что рассказанный сейчас случай совсем исключительный, карикатурный и не может служить удобною данною для правильного диагноза. Но карикатура не более как преувеличенная до комизма истина и всегда, напротив, помогает ее уразумению, особенно карикатура не произвольная, а так сказать бессознательная карикатура самого факта. Мы с своей стороны имели тогда же неоднократную возможность проверить значение этой карикатуры: нас посетила, вскоре за смольнянами, и другая группа молодых людей, также с письменным требованием особой, административно и политически самостоятельной, хотя и на федеративном начале, организации «Заволжского края»! Это отделение «Заволжского края» представлялось в то время молодым людям истиною общепризнанною, чем-то вроде общего места, locus topicus, о котором порядочные люди уже и не спорят; такому мнению о «Заволжском крае» (которого, впрочем, точные границы и не определялись) особенно способствовала модная в то время разработка в литературе легенды о Стеньке Разине. Скажут: невинный вздор, пустяки, безвредное увлечение, свойственное юности!.. Конечно, вздор, пустяки, до которых полиции собственно не должно быть никакого дела, но педагогии до них дело, и большое. Студентам университета такой детский вздор уж совсем не под стать, да и вовсе не пустяки, когда вместо серьезного занятия наукою головы начиняются подобною дурью, на нее тратятся и силы, и время, из-за нее гибнет, может быть, столько молодых жизней!

Опыт свидетельствует, что эта дурь федерализма только уготовляла почву для дури более серьезного и опасного свойства. Едва ли даже точкою отправления для такой федералистической тенденции можно предположить здесь безотчетное, но впрочем понятное и законное стремление к административной децентрализации, которое, без сомнения, лежит в первоначальной основе «украйнофильства». Тем не менее и это «украйнофильство», благодаря федеративной доктрине, не далеко бы ушло от безвредно-бессмысленных фантазий о Смоленском княжестве и Заволжском

крае, если бы помощь и руководство поляков не придали ему особенного значения и размеров. К нам и в то время, чуть ли не в один день с юношами, болеющими о независимости Смоленской губернии, являлись и «хлопоманы» в нарочито широких шароварах, в высоких сапогах, – конечно разговаривавшие между собою не иначе как по-русски, так как на малорусском наречии они кроме двух-трех стихов Шевченко, да простонародного восклицания «эге!» ничего почти и не знали. Прошло двадцать лет. «Украйнофильство» умнее не стало, а все то, что в нем теперь есть серьезного в политическом смысле – ничего общего с украйнофильством в смысле любви к родине (вполне естественной, вполне законной) не имеет и привнесено польскою интригою.

Об этом явлении стоит сказать несколько слов. Ни г. Драгоманов, ни г. Кулиш – корифеи и в некотором роде, если не кровь проливавшие, то герои «украйнофильства», изгнанники его ради – не только не опровергают, но напротив, своим примером именно подтверждают справедливость нашего мнения, что даже и это учение или направление, как и прочие волнующие нашу молодежь доктрины, не коренится глубоко в мысли, лишено настоящего органического происхождения. Любовь к родине предполагает нравственное и духовное сродство с ее народностью, – не только с этнографическими особенностями, но и с нравственным, духовным складом своего народа, с его радостью и скорбью, с его стремлениями, идеалами, с его историческим подвигом. Мы вполне допускаем возможность увлечения историческим прошлым Малороссии, отстоявшей упорною, доблестною, мучительною борьбою политическую независимость этой части общего русского отечества (намеченного на скрижалях истории еще с IX века!) от господства Польши и целость общерусского вероисповедания от латинско-иезуитского ига. Мы понимаем, что поэтический образ казака, доселе любимый в народе и воспроизведенный в тысячах чудных песней, способен вызывать живую симпатию в молодом сердце. Мы не станем даже слишком уж строго винить юного энтузиаста, если он забудет на время, что Малороссия сознательно, единодушно «повалила за царя восточного, православного» и исполнила свое историческое призвание – восстановив единство всей русской земли и возвратив русскому народу отторгнутую от него иноплеменниками русскую государственную и церковную колыбель; что казачество, совершив свою историческую миссию, как всякое пережившее себя явление, стало разлагаться само собою, во вред стране, гораздо ранее формального его уничтожения, и что восстановление казачества уж никоим образом не ладило бы ни с какими «либеральными», «гуманными» и вообще «культурными» идеями нашего века! Все-таки подобное увлечение, как бы ни было оно несообразно с правдой действительности, имело бы национально-историческую основу. Но в современном «украйнофильстве» даже и такого увлечения нет: оно стало в совершенное противоречие не только с требованиями настоящей поры, но и с самими дорогими историческими заветами своего народа. Г. Кулиш – тот прямо-таки оплевал все, что для «украйнофильства» было когда-то точкою отправления и оправданием. Он насмеялся, наругался над казаком, над всем мученическим житием Украины, над ее геройскою защитою своей православной веры и независимости, над всем ее историческим подвигом. Мало того: он призывает ее, Украину, в своей «Крашанке», принести покаяние, не только задним числом пред польскими панами-мучителями и отцами иезуитами-гонителями прошлых веков, но теперь, сейчас же, пред таковыми же панами и иезуитами современной поры, – пред теми самыми, что в настоящий, текущий миг так нахально угнетают русский народ в Галиции, так явно, непрестанно замышляют зло на Россию и порабощение Украины! Г. Кулиш, по свойству своего личного характера, только ведь несколько пересолил, слишком шибко

домчался до крайнего логического вывода, к которому неизбежно должны мало-помалу дойти все «украйнофилы», но которого они до сих пор отчасти искренно еще не сознавали, отчасти же не хотели видеть… Нельзя не поблагодарить г. Кулиша за услугу, им оказанную. Авось-либо его пример образумит «украйнофилов», доказав им, что все они, даже самые добросовестные из них, в сущности работают лишь в руку врагов русской земли вообще и Украины в частности, то есть работают для утверждения над южно-руссами польского властительства: следовательно, идут наперекор всем их историческим преданиям и стремлениям, суть не более, как враги и предатели Малорусского племени и жалкие пешки в руках поляков. Эта бессознательность, конечно, не делает чести их умственной зоркости, но она одна только и может служить им оправданием. Вернее сказать: могла, потому что закрывать далее глаза, после примера гг. Кулиша и Драгоманова, неприлично. Последний, хотя и не заходит так далеко в своем поклонении полякам, как г. Кулиш, однако ж упорно навязывается полякам с южнорусской дружбой, несмотря на их весьма откровенные властолюбивые притязания, и предлагает малоруссам заменить русскую азбуку… латинским алфавитом!

Надо надеяться, что он, для вящего упрочения федеративного союза Украины с поляками, вскоре перепишется, – предложит и «украйнофилам» переписаться… в латинство, так как поляки на меньшем не помирятся! Этого ли хотят «украйнофилы» Киева, Харькова и вообще в пределах России? Конечно нет, скажут они. Однако ж, куда идут они по своей наклонной плоскости? Как отнеслись они к последнему наглому процессу над русскими в Галиции? На чьей стороне было их сочувствие? На стороне утеснителей поляков. На кого обрушился их гнев? На утесненных, – зачем-де они исповедуют всецелость и единство русского народа, добытое тяжким общим историческим трудом малоруссов и великоруссов! Зачем-де они стремятся удержать за малоруссами их законное достояние – прекрасный литературный общерусский язык, созданный столько же усилиями малорусских, сколько и усилиями великорусских писателей, – язык, которого хотели бы лишить малоруссов «украйнофилы» при содействии и покровительстве мнимо-либеральных органов нашей печати! Конечно, всякие попытки перевести, то есть передать не только полнозвучные строфы Пушкина, Лермонтова, но и драмы Шекспира, говором крестьян из-под Гадяча и Хорола так же забавны и дики, как если бы, например, фразу «Это делает вам честь, милостивый государь» перевести: «Исполать тебе, добрый молодец!» – а потому и совершенно безвредны!.. Слава Богу, кажется, теперь правительство уже перестало преследовать эти весьма неумные, но безвредные шалости. Впрочем говорят, будто недавно последовало в Киеве глубокомысленное распоряжение: не давать несчастным «украйнофилам» путаться между алфавитами Кулиша, Максимовича, Драгоманова, а установить казенную малорусскую фонетику! Вот откуда пришла им помощь, – этого только недоставало!!

Мы распространились об «украйнофильстве» больше, нежели предполагали, но это потому, что о нем в «Руси» было говорено до сих пор очень мало; да к тому же оно очень наглядно подтверждает нашу мысль, что ощущения и инстинктивные стремления, живущие в русском обществе, редко состоят в логической связи с формулами, в которые облекаются, и что господствующие у нас модные доктрины почти совсем лишены корней в общественном сознании. Так, достойная сочувствия любовь украинцев к своей поэтической родине, вместе с естественным и законным протестом против бюрократической централизации (общим и всей русской провинции), слагаясь в систему – стало «украйнофильством», а «украйно-фильство», примкнув к федеративной доктрине, в сущности переродилось или перерождается в полонофильство,

следовательно, в направление, прямо враждебное украинскому русскому народу, его гражданской и религиозной независимости, враждебное даже его литературному, общему с великорусским народом языку!

Но стремления федеративные, возразят нам, стоят особняком от высших либеральных и социальных идеалов большинства молодежи. Обратимся и к этим последним, хотя заметим мимоходом, что каждый «либерал» почитает себя обязанным, даже не очень углубляясь в вопрос, сочувствовать расщеплению России или принципу «федерации»!.. Главное – не углубляясь: в этом вся и сила нашего «либерализма», сила – в легкомыслии! В этом, однако же, и своего рода опасность: для легкомыслия все слишком легко… Затем, обращаясь к социальным идеалам и чаяниям наших молодых людей, принадлежащих или наклонных принадлежать к партии революционной, мы не найдем здесь не только какого-либо выработанного плана социального переворота в России, но даже хоть сколько-нибудь ясного представления о социальных благах, коими желали бы они его наделить – ценою даже самопожертвований и убийств! Во время оно, нам случилось быть в переписке с некоторыми студентами, сильно бушевавшими в своем муравейнике по поводу волнения крестьян в соседнем уезде при введении в действие уставной грамоты. На наш вопрос они с благородною откровенностью сознались, что никогда в Положение о крестьянах 19 февраля 1861 г. не заглядывали, – на чьей стороне правда в споре достоверно не знают, да и вопроса себе даже не задавали – должен ли быть исполнен закон или нет, и если не должен, то каким бы узаконением его заменить? Точно то же можно сказать и обо всех так называемых «социало-демократах» или «социало-демократо-революционерах». Никто из них даже и понятия не имеет о настоящем поземельном устройстве русских крестьян, о настоящих их податных нуждах и еще менее о том, что им действительно на потребу; с социальною статистикой России они вовсе не знакомы, да и не ощущают надобности ее изучать, довольствуясь иностранными популярными учебниками социализма; вечно скорбя о русском народе, содержания народной скорби не ведают, да и ведать не хотят! Они повторяют избитые до пошлости возгласы против господства капитала, – и что всего забавнее – не они одни, революционеры: точно также ораторствуют у нас или играют в социалистов нередко сами капиталисты, конечно не старые, – даже из купеческого звания, даже журналы издают! То что на западе Европы имеет серьезную, историческую основу, что составляет не поддельную, а настоящую, жгучую боль общественного организма, – в переложении на наш быт и нравы теряет свою жизненную правду и является уже отвлеченною доктриною или просто нескладицей: невозможно же западною местного скорбью скорбеть ни о русском крестьянине, ни о русском рабочем!..

Таким образом, русский социалист-радикал-революционер даже не знает того зла, против которого ратует, даже не знает предмета своей скорби, ни даже своего настоящего врага. И при всем том он нисколько не лицемерен; он способен, пожалуй, принять мученичество из-за фразы, из-за чего-то, чего он даже и в формулу-то уловить не может… Таковы люди преступного действия во имя положительных теорий! Но и наш, не преступный и не действующий, только рисующийся серьезным, так называемый либерализм, точно так же смутен в области сознания. Он по совести не ведает, чего хотеть. Чего-то он хочет, хочет лучшего, но это вожделение инстинктивное, которому он точно не может отыскать надлежащего «самобытного» выражения и, враждуя, по принципу, с национальною самобытностью, он хватается за готовые теории и формулы, хватается с отчаянием, готов чуть не голову положить за доктрины, которым, в глубинах своей русской природы, даже и не очень-то верит. Это относится к самым миролюбивым и честным представителям

газетного либерализма. Хотят они конституции? Но на вопрос: какой именно, затруднятся отвечать, чувствуя нелепость рекомендовать России конституцию английскую или бельгийскую, и промолвят: «Надо сочинить новую». При дальнейшем разъяснении современных условий России, они без особенного труда согласятся на «представительство совещательное»; затем, при указании на обветшание формы парламентаризма в Европе и на обличаемые уже и теперь, особенно социалистами, ее недостатки, – они кончат неопределенным: «Ну, что-нибудь эдакое», и сведут свои требования к двум-трем – самым простым и умеренным. Но тем не менее они всегда предпочитают окружать себя туманом какого-нибудь доктринерского изма, спутывая самих себя, вредя делу, сбивая с толку само правительство.

Наши анархисты являются, по-видимому, людьми самыми убежденными. Но это только по-видимому. В сущности анархизм свидетельствует об отсутствии всякого убеждения и избавляет от всякой мыслительной, головоломной работы. Как известно, между анархистами на первом плане во всей Европе стоят наши, русские, и это именно потому, что они всех пустопорожнее, что им в себе самих ни с какими особенными, заветными, так сказать, органическими убеждениями бороться и считаться не приходится. В тщетной погоне за «убеждениями» или дознав в самом деле тщету и бескорненность разных, поочередно им извне в себя насаждаемых доктрин и формул, наш анархист наконец выбрасывает их все из себя вон и, отказываясь от дальнейшего напряжения отвлеченной мысли, возвращается снова из абстракта к реальной жизни с такого рода решением: «Настоящее представляется мне скверным, в чем именно оно скверно и как его исправить, не знаю и трудить свой мозг над этой задачей не хочу; лучше все рушить, задать переполоху, а там будь что будет!». Так рассуждают наши «террористы», люди, наиболее чуждые каких-либо идеалистических стремлений, люди самого жидкого смысла, но крепкого духа, избравшие себе сравнительно самый легкий и заманчивый жребий – легкий потому, что не требует умственного труда, изучения, исследования (требуется только заглушить совесть), и в то же время заманчивый, как удалая игра в опасность, как возможность получить значение тайной политической силы, тягающейся с могущественными государствами. Тут ни о принципах, ни о теориях, ни об «убеждениях» в настоящем смысле – не может быть речи, да и не об анархистах наше слово: здесь уже вступает в свои права полиция.

Мы же возвращаемся к своему основному положению, что все доктрины либеральные, радикальные, нигилистические не имеют как доктрины никаких корней в общественном сознании, лишены всякой органической связи с нашим общественным строем, всякой исторической почвы. В сущности, они не заслуживают и опровержения, и вообще не представляют положительной опасности. Все это не более, как пена взбаламученной мысли; не более значения представляют и те революционные призраки или подобия, на которые указывают некоторые встревоженные умы. Ничего схожего с элементами французской революции у нас не имеется. У нас не было ни борьбы завоеванных и обезземеленных с завоевателями и феодальными владельцами, ни состязания с последними городских общин, а потому не может быть ни той окончательной, последней битвы на жизнь и смерть между общинами и феодализмом, между средним сословием (tiers-etat) и аристократией, которая именно и называется революцией 1789 года. Никаких привилегий ни у кого отнимать у нас, в России, уже не приходится; ни с кем равноправности добиваться de jure нет надобности; в социальном своем устройстве мы во многих отношениях даже опередили Европу. В этом смысле, в смысле подобия французской революции, нам нечего и некого опасаться, и правительственная власть обладает у нас всеми условиями действительной силы.

Но если в этом смысле нам нечего опасаться, значит ли, чтоб не представлялось опасности в другом смысле, – значит ли это, что у нас все здорово и обстоит благополучно?

Нет, вовсе не здорово, вовсе не обстоит благополучно, и опасность есть, только совсем иного характера. Нигилизм со всеми пристегнутыми к нему измами, как положительное учение – вздор, но как явление представляется очень важным: это симптом глубокого исторического недуга, это истинный признак, что нечто и где-то у нас болит, и серьезно болит. Совершенно неразумно поэтому поступают те, которые, как «Гражданин», справедливо сознавая всю жизненную мощь правительственной власти, советуют правительству не обращать никакого внимания на это явление или же отнестись к нему только с прещениями и угрозою. «Пустяки-де! Ничего не болит! Какое тут болезненное историческое явление?! Это так, с ветру взялось, это выдумала печать», и т. п. – вот модные речи во многих петербургских, более или менее властных кругах. В объяснение нашего общественного недуга приходится подчас читать и слышать почти то же или в таком же роде, что «это все француз гадит» – как глубокомысленно сообразил гоголевский почтмейстер в ответ городничему на вопрос: зачем пожаловал ревизор? «Жаловаться?!» – говорят, – «не смей жаловаться, правительство-де настолько сильно, чтоб не дозволять жаловаться!». Но если только запретить жаловаться, или заткнуть себе уши ватой, чтоб не слышать жалоб, это еще не значит, чтоб исчезло то, что вызывает, быть может и справедливые, жалобы. Именно потому, что правительство настолько сильно, оно и должно бы, казалось, в своей мудрости заняться исследованием общественного явления, диагнозом недуга, а не просто отрицать его наголо или вгонять его внешними мерами еще глубже внутрь.

Недуг этот и очень труден для врачевания, если внимание врачей будет обращено на внешние его проявления, вовсе не выражающие его сущности, как мы это показали выше, и очень легок для лечения или по крайней мере не представит особенных трудностей, если правительство сумеет распознать причины недуга, – легок или не особенно труден именно потому, что и он не имеет глубоких корней в самой мысли общественной, а более психического свойства, гнездится в недрах общественного духа, жаждущего и чуждого жизни… В прошлом No, в ответе «Гражданину», мы уже назвали одну из причин недуга, но дальнейшее разъяснение этой темы отложим до другого раза.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://aksakovivan.ru/
Приятного чтения!